

НИКОЛАЙ-ДО

Святитель Николай Японский

Краткое жизнеописание

Выдержки из дневников

ΒΙΒΛΙΟΠΟΛΙΣ

© Чех А. А., составление, вступительная статья,
комментарий, 2001

© ООО СПИФ «ΒΙΒΛΙΟΠΟΛΙΣ»,
оригинал-макет, 2001

* *
*

Житие отличается от жизнеописания не тем, что первое повествует о жизни святых, признанных Церковью таковыми, второе же описывает жизнь всех прочих человеков. Святость являет себя миру, но остается неотмирной, пребывая в вечном, и житие так или иначе говорит именно об этом чудесном проявлении в его связи с жизненным подвигом. Жизнь проживается, житие же совершается, жизнь проходит, житие — проходится, исполняется. Отсюда алчность, бурление, разбросанность, горечь и эфемерность первой и безмолвная собранность, достоинство и подлинность второго.

Святые разом похожи и не похожи друг на друга, и в этом не может не видеться любовь и удивительное снисхождение Господа к роду человеческому: апостолы и пророки, святители и мученики, преподобные и праведники — каждый имеет свое земное поприще и свое лицо. И вместе с тем святые подобны окнам, из которых на нас взирает Сам Господь, окнам неприступного Света Божьего.

Каждый род святости, каждое служение особо. Апостолы или посланники, восприняв свет, становятся очами и светом для верующих, просвещая их тем же светом, которым были просвещены сами, удостоверяя тем самым оный дар.

Написание жития святителя Николая Японского — дело будущего. Архиепископ Николай, создатель и первоиерарх японской церкви, почивший в 1912 году, был причислен к лику святых почти через шестьдесят лет после кончины, 31 марта 1970 года, как равноапостольный святитель, просветитель всея Японии. Вся жизнь и все силы святителя были отданы проповеди Евангелия, сеянию Слова Божия в Стране Восходящего Солнца. Он отдал этим трудам более полувека, и они не пропали туне. Наганава Мицуо пишет: «Он оставил потомкам собор, 8 храмов, 175 церквей, 276 приходов, вырастил одного епископа,

34 иереев, 8 диаконов, 115 проповедников. Общее число православных верующих достигло 34110 человек, не считая 8170 человек, усопших ранее... В личном же владении он оставил только несколько предметов довольно изношенного гардероба».

Об этом человеке ходили легенды. Говорили, будто архиепископ Николай — сын японца, бежавшего от преследований правительства в Японию и женатого на русской.

Протоиерей И. Восторгов, посетивший Японию, писал: «Не было человека в Японии, после императора, который пользовался бы в стране такую известностью. В столице Японии не нужно было спрашивать, где русская православная миссия, довольно было сказать одно слово “Николай”, и буквально каждый рикша сразу знал, куда нужно было доставить гостя миссии. И православный храм назывался “Николай”, и место миссии также “Николай”, даже само православие называлось именем “Николай”. Путешествуя по стране в одежде русского священника, мы всегда и всюду встречали ласковые взоры, и в словах приветия и разговора по поводу нас мы улавливали слухом среди непонятных слов и выражений незнакомого языка одно знакомое и дорогое: “Николай”...»

Святитель Николай отдал делу проповеди всю свою жизнь — не случайно он сравнивал Японию со своей «невестой». Не раз вспоминал он слова, сказанные ему при вручении епископского жезла митрополитом Исидором: «До конца жизни служить тебе взятому на себя делу, и не допусти, чтобы другой обладал твоим венцом».

Известный востоковед Д. М. Позднеев, близко знавший святителя, вспоминает: «Вместе с мягкостью, он был железным человеком, не знавшим никаких препятствий, практичным умом и администратором, умевшим находить выход из всякого затруднительного положения. Вместе с любезностью в нем была способность быть ледяным, непреклонным и резким с людьми, которых он находил нужным воспитывать мерами строгости, за что-либо карать или останавливать. Вместе с общительностью в нем была очень большая, долгим опытом и горькими испытаниями приобретенная сдержанность, и нужно было много

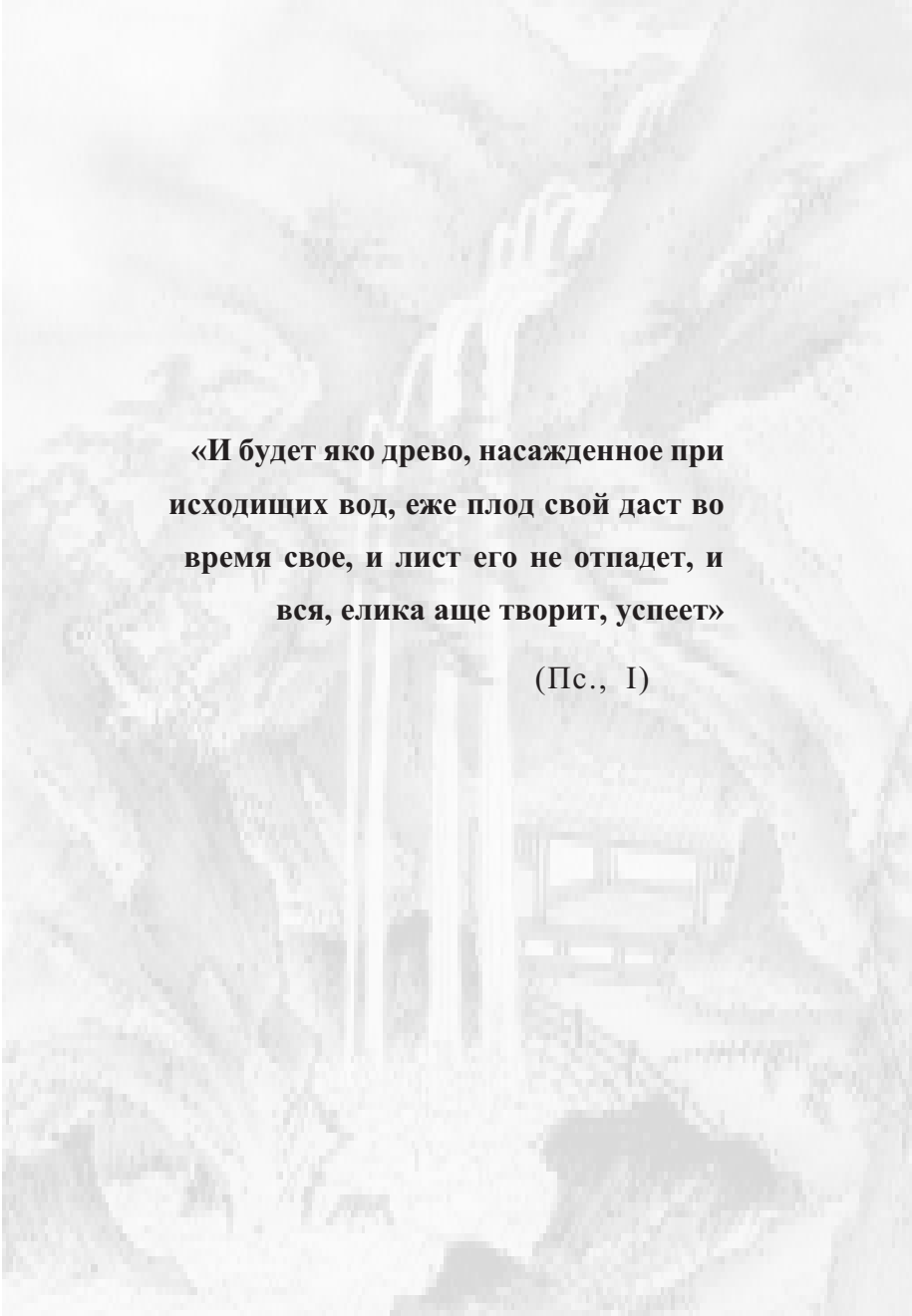
времени и усилий, чтобы заслужить его доверие и откровенность. Наряду с какой-то детской наивностью веселого собеседника в нем была широта идеалов крупного государственного ума, бесконечная любовь к родине, страдание ее страданиями и мучение ее мучениями... Широкие и святы идеалы, железная воля и неистощимое трудолюбие — вот сущность архиепископа Николая».

Нельзя не согласиться с А. Платоновой, автором одного из жизнеописаний святителя, которая писала: «Знать о нем возможно более подробно — долг всякого русского человека, потому что такие люди, как архиепископ Николай, — гордость и украшение своей страны».

Д. М. Позднеев пишет: «Пятьдесят лет служения... И миллионы статей, в которых его объявляли “ротаном” или русским шпионом. Православные христиане назывались в Японии “никораи но яцу”, то есть “николаевские негодяи”, или “суругадаи но яцу”, то есть “суругадайские негодяи”. Архиепископа Николая травили с двух сторон: японцы — как русского политического агента, шпиона, агитатора, сеющего на японской почве измену и симпатии к вероломной, хищнической России; русские — как деятеля, сообщающего Японии о России то, чего ей не нужно знать... Деятельность архиепископа объявлялась, таким образом, не только бесполезною, но и вредною, а на него самого многие в России смотрели как на охваченного странной манией оригинала. Архиепископа Николая спасли для дела две руководившие им во всю жизнь идеи: первая — идея апостольского служения, подвига распространения православия среди язычников; вторая — горячее убеждение, что его работа должна стоять вне всякой связи с политикой». И в другом месте: «Его проникало то, что он хранил в себе не для земной цели».

*Святой равноапостольный Николай Японский.
Икона письма монахини Иулиании (М. Н. Соколовой), 1970 г.*

**«И будет яко древо, насажденное при
исходищих вод, еже плод свой даст во
время свое, и лист его не отпадет, и
вся, елика аще творит, успеет»**

(Пс., I)

*Святой равноапостольный Николай, архиепископ Японский.
Альбом «Иерархи русской церкви» (3-я четв. XIXв.–нач. XXв.), РГИА.*

ПРИЗВАНИЕ

Иван Дмитриевич Касаткин родился 1 августа 1836 года в селе Береза Бельского района Смоленской губернии¹. Его отец Дмитрий Иванович Касаткин служил диаконом в сельской церкви². Ребенка назвали Иоанном в честь славного Пророка, Предтечи и Крестителя Господня. Его мать Ксения Алексеевна умерла 34 лет от роду, когда ему было всего пять лет.

Несмотря на вопиющую бедность, мальчика отдали учиться сначала в Бельское духовное училище, а затем в Смоленскую семинарию. С. Недачин пишет: «При отсутствии железных дорог юноша должен был тащиться по ужасным и теперь еще Бельским трощам к губернскому городу Смоленску для получения образования в духовной семинарии. Далеко не все семинаристы того времени ездили учиться на лошадях. Очень многим из них, наиболее бедным, к числу которых принадлежал и мальчик Касаткин, приходилось идти пешком на протяжении свыше 150 верст, чтобы явиться в стены семинарии».

В 1856 году он блестяще окончил курс семинарии и был на казенный счет отправлен в Петербургскую духовную академию, где учился до 1860 года.

¹ Прихожанами московского храма Вознесения Господня на Никитинской было установлено, что на месте этого села теперь находится дер. Береза Мостовского сельского округа Оленинского района Тверской области. В 1836 году село Береза являлось центром Березовской волости Бельского района и насчитывало 5 дворов (7 мужчин и 6 женщин). От села в деревне не осталось ни одного дома. Сельская церковь была разрушена в годы Великой Отечественной войны.

² Святитель заботился об отце до самой его смерти, ежемесячно отдавая ему часть жалованья.

Молодой человек выказывал выдающиеся способности; предполагалось, что он останется при академии для подготовки к профессорской деятельности, однако решение отправиться в Японию совершенно изменило его судьбу.

Оно было принято совершенно неожиданно. По свидетельству самого святителя Николая, ему до того времени никогда и в голову не приходила мысль о монашестве. Однажды же, проходя по академическим комнатам, Иван Дмитриевич заметил в одной из «занятных» объявление с предложением отправиться кому-нибудь из окончивших академический курс в Японию на роль настоятеля посольской церкви в Хакодате. Несколько товарищей Касаткина уже выразили желание ехать в Японию в сане священника. Приглашение это не произвело на юношу особого впечатления, пусть в свое время его сильно впечатлили воспоминания Головнина о Японии³. Он спокойно пошел ко всенощной. И вот, во время богослужения, он вдруг решил, что должен ехать в Японию. Вернувшись от всенощной, он в глубоком волнении направился к ректору академии, преосвященному Нектарию, и заявил ему о своем желании ехать в Японию, но не женатым священником, а монахом. Ректор академии очень сочувственно отнесся к порыву юноши и доложил о его желании митрополиту. В самый непродолжительный срок судьба Ивана Дмитриевича Касаткина была решена.

21 июня 1860 года юношу постригли в монашество с именем Николая. 29 июня, в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, он был рукоположен в иеродиакона, а на следующий день, когда праздновался Собор Двенадцати Апостолов (престольный праздник академической церкви), — в иеромонаха. Епископ Нектарий, постригавший юношу в монахи, нарек его Николаем и сказал: «Не в монас-

³ См. Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе. Хабаровск, 1972.

тыре ты должен совершить течение подвижнической жизни. Тебе должно оставить самую Родину, идти на служение Господу в страну далекую и неверную. С крестом подвижника ты должен взять посох странника, вместе с подвигом монашества тебе предлежат труды апостольские».

В конце июня иеромонах Николай покинул Петербург и три дня провел со своими родными в деревне. Простившись с ними, он отправился в далекий путь. С собою он взял Смоленскую икону Божией Матери, которую хранил всю жизнь⁴.

«Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, ожидающая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется в ее тьме весть о Христе, и все обновится... Тогда я был молод и не лишен воображения, которое рисовало мне толпы отовсюду стекающихся слушателей, а затем и последователей Слова Божия, раз это последнее раздастся в Японской стране».

Дорога в Японию была долгой и трудной. Зимой иеромонах Николай провел в Николаевске-на-Амуре. Здесь он встретился со святителем Иннокентием, просветителем Сибири (в ту пору епископом Камчатским). Последний благословил его на предстоящие труды и посоветовал вплотную заняться изучением японского языка. Видя бедную рясу иеромонаха, епископ Иннокентий купил хороший бархат и сам выкроил из него рясу отцу Николаю. Также он возложил на отца Николая наперсный бронзовый крест, полученный за участие в Крымской кампании.

14 (2) июня 1861 года иеромонах Николай на военном транспорте «Амур» прибыл в японский порт Хакодате.

* * *

⁴ На его погребении ее несли перед гробом.

Принято считать, что первые европейцы появились в Японии в начале 40-х годов XVI века. В 1543 году на Кюсю появились португальские купцы и, вслед за ними, миссионеры-иезуиты. Франциск Ксавье, распространявший Евангелие в Индии и Индокитае, ступил на японскую землю в 1549 году. Проповедь шла успешно, число христиан стремительно росло (особенно в южных портах, часто посещавшихся португальцами), чему в немалой степени способствовала поддержка нового учения правителями, стремившимися монополизировать торговлю с португальцами (помимо прочего, португальцы ввозили в Японию огнестрельное оружие). Отдельные князья переходили в католицизм вместе со своими вассалами и крестьянами. К 1580 году в Японии насчитывается уже около 150 тысяч христиан. В 1582 году иезуитами организуется посольство христианских князей Кюсю в католические страны Европы — Португалию, Испанию и Италию. Послов принимают испанский король Филипп II и папа Григорий XIII. Славный Ода Нобунага (1533–1582), положивший начало объединению Японии, не только не мешает миссионерской деятельности иезуитов, но даже покровительствует им. Примерно в это же время в Японии появляются монахи доминиканского и францисканского орденов и, несколько позже, английские и голландские купцы. Преемник Нобунага, Тайко Хидэёси, вначале относится к иезуитам достаточно терпимо, однако уже в 1587 году издает указ о запрещении распространения христианства в Японии и об изгнании иезуитов из страны, предписывающий всем заморским миссионерам покинуть Японию в течение 20 дней. Указ этот не был выполнен — иезуиты скрылись во владениях князей, принявших христианство. Через десять лет были распяты на крестах 6 францисканцев, 3 иезуита и 17 японских христиан. Тем не менее в начале XVII века количество христиан становится еще большим и достигает 200 тыс. (по некоторым источникам 750 тыс. или даже 1 млн).

В 1611–1614 годах появляется ряд новых указов, направленных против христианства, после чего начинаются открытые гонения.

Прибытие португальцев в Нагасаки. Кано Найдзэн (1570–1616). Деталь ширмы. Ок. 1600 г.

«Синкретический» крест с изображением Будды на месте Христа. Япония. Сер. XVII в.

Богоматерь с младенцем. Медный литой образ, Ø 20,5 см, одно из тех изображений, на которые в XVII в. заставляли становиться отрекшихся японских христиан для подтверждения отречения. Осака, Намбан Бункакан.

Св. Петр, японская копия начала XVII в. с привезенной в Японию картины испанского художника сер. XVI в.

*Муцухито,
император Мэйдзи,
фото Утида Кюити, 1872 г.*

*Российский пароход, представленный в виде
морского чудовища. Японская карикатура
сере. XIX в.*

День конституции в Японии, 1883 г.

С 1624 по 1638 год издаются указы, которые запрещают иностранцам посещать, а японцам покидать Японию или же возвращаться в нее после пребывания в других странах. При Хидэтада и Иэмицу гонения достигают апогея. По разным данным, за время гонений в Японии было замучено от нескольких десятков тысяч до нескольких сотен тысяч христиан. Вдоль проезжих дорог появились бесконечные вереницы крестов. Христиан пытали, распинали, сжигали, заживо зарывали в землю. В 1637 году, доведенные до крайности непосильными налогами, крестьяне острова Кюсю, возглавляемые ронином (самураем, лишившимся своего господина), подняли бунт, известный ныне как Симабарское восстание. Большинство участвовавших в нем крестьян исповедовало христианство, и восстание тут же приняло религиозную окраску. Поддерживаемые ронинами, христиане в течение пяти месяцев удерживали у стен крепости стотысячное сёгунское войско. Сёгуну пришлось прибегнуть к помощи голландцев, разрушивших выстрелами своих корабельных пушек стены твердыни. Практически все население крепости, составлявшее более 37 тысяч человек, было уничтожено (в живых осталось около 100 человек). Известно, что святитель Николай неодобрительно отзывался об этом восстании, но указывал на мученическую стойкость этих обманутых своими главарями людей и их любовь ко Христу.

Вскоре после разгрома восстания была введена система обязательной ежегодной регистрации всех японцев в буддистских приходах («домашних храмах»), которая гарантировала непринадлежность членов этих приходов христианской церкви. Отречение требовалось не только от данного лица и членов его семьи, но и от их потомков в третьем и четвертом колене, при этом отречение должно было повторяться ими раз за разом. Архиепископ Антоний (Мельников) пишет о сохранившихся доныне медных иконах Спасителя и Богородицы со стертыми и истоптанными краями. Отрекавшихся понуждали становиться на них, но несчастные пытались стоять на их краях.

В 1639 году исповедание христианства в Японии окончательно запрещается. Япония изолирует себя от мира на два с лишним столетия. Сохраняются лишь торговые контакты с протестантской Голландией (судам голландцев разрешен вход в порт Нагасаки), Китаем и Кореей.

Тогда же возникла и японская катакомбная церковь, открыто заявившая о своем существовании только в 1865 году (в ту пору численность ее составляла около 20 тыс. человек). Катакомбники жили, главным образом, на западе Кюсю, в окрестностях Нагасаки и Симабара. После легализации они отказались от воссоединения с католиками и сохранили собственную иерархию, состоящую из мирян. Известно, что в годы гонений они поклонялись Богородице под видом бодхисаттвы Каннон.

«Открытие» Японии и последовавшие за ним падение сёгуната и восстановление императорской власти в корне изменили ситуацию. Страна взяла курс «на Запад». В 1854 году Япония подписала торговые договоры с США, Англией, Францией и Голландией. В 1855 году был подписан и договор с Россией, известный как Симодский трактат. В соответствии с ним японское правительство открывало для России три порта: Симода, Хакодате и Нагасаки.

В 1873 году антихристианский закон был отменен. В стране появилось множество христианских миссионерских центров. В том же 1873 году японцы перешли с традиционного лунного на григорианский солнечный календарь. Был установлен единый для всей страны выходной день — воскресенье.

В Хакодате было открыто русское консульство. В ту пору население этого города составляло около шести тысяч жителей.